

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. – М., 1955. – 260 с.
2. Габинский М.А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (на материале албанского языка). – Л., 1967. – 280 с.
3. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. 2-е изд. – М., 1988. – 439 с.
4. Денисова Е. Абсолютный и склоняемый инфинитивы в языке иврит // Язык иврит: изучение и преподавание. Материалы XVI ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Часть I. – М., 2009. – С. 52-62.
5. Каплан Г.Х. Очерк грамматики аккадского языка. – СПб., 2006. – 224 с.
6. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М., 2000. – 510 с.
7. Латинский язык. Учеб. для пед. ин-тов / Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. / 6-е изд., стер. – М., 2000. – 384 с.
8. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки./РАН. Институт языкознания / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лезов, О.И. Романова. – М., 2009. – 840 с.

УДК 81

Минин А.Н.

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ВОЗВЫШЕННОЙ ЛЕКСИКИ
С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ***

A. Minin

Princess E.R. Dashkova Moscow Humanities Institute

**MATTERS CONCERNING TRANSLATION OF POSITIVELY
CONNOTATED ELEVATED SPEECH**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода художественной литературы и проблемы передачи возвышенной лексики положительной направленности на примере произведения У.М. Теккерей «Виргинцы». Предлагаются основные точки зрения на проблему адекватной передачи подлинника и стилистики художественного перевода. Проводится сравнительный анализ двух переводов Ст. Вольского (1936 г.) и И. Гуровой (1979 г.) с целью выявления оптимального способа передачи рассматриваемых единиц. В статье предложена классификация и анализ найденной в произведении языковых единиц возвышенной лексики.

Ключевые слова: коннотация, окраска, диахрония, эмоции, лексикология.

Abstract. In the article we have a look at the specifics of literature translation and problems of positively connotated elevated speech transference on the example of the novel by W. Thackeray "The Virginians". The article covers the main points of view on the matters of adequate translation and literary translation stylistics. The author does a comparative analysis of two of the Russian translations by S. Volskii (1936) and I. Gurova (1979) in order to find the optimal way of transference linguistic units. The author offers the classification and analysis of found linguistic units of elevated speech.

Key words: connotation, intensifier, diachrony, emotions, lexicology.

Практически любой язык представляет собой набор лексических систем. Для того чтобы лексически точно передать прошлую эпоху, автор сознательно обогащает текст возвышенной лексикой. Для достижения желаемого эффекта в языке художественной литературы активно используются архаизмы и историзмы, которые можно считать традиционной составляющей возвышенной лексики. Стиль речи ещё с античных времён играл важную роль.

* © Минин А.Н.

Так, в эпоху классицизма считалось, что существуют особые стили, для которых пригодны не все слова общенародного языка. Создавались особые нормы литературного языка, касавшиеся выбора лексики (из которой изгонялось всё грубое и «простое»), морфологических форм и синтаксических конструкций.

Как известно, в русском языке можно выделить несколько уровней и подуровней лексики, среди которых особое место будет занимать возвышенная лексика. Следует отметить, что во многих других языках можно даже отследить определённую градацию в уровнях возвышенной лексики.

Так что же такое возвышенная лексика? Возвышенная лексика – это так называемая книжная лексика, характерная для современных развитых национальных языков. Возвышенная лексика русского языка восходит в значительной степени к церковнославянскому языку – литературному языку Средневековья, а также к языку летописания и других письменных документов Древней Руси. Псевдо-Логин в трактате “О возвышенном” выделил следующие пять признаков возвышенного: “Как известно, возвышенное имеет пять признаков. Все они основаны на умении пользоваться словом. Первым и важнейшим признаком следует признать способность человека к возвышенным мыслям и суждениям. Вторым признаком является сильный и вдохновенный пафос. Если первые два признака связаны с природными способностями человека, то три последних приобретаются в учении. К ним относятся сочетание определенных языковых фигур мысли и речи и те благородные обороты, которые, в свою очередь, достигаются отбором слов и выбором речи, богатой тропами и художественно отделанной; наконец, пятым признаком возвышенного, включающим в себя все четыре предыдущих, служит правильное и величественное сочетание всего целого” [6]. К нему можно отнести такие слова, которые придают речи торжественность, а также выражают эмоционально-экспрессивную оценку называемых понятий.

Язык художественной литературы, несмотря на свою неоднородность и авторскую индивидуальность, всё же имеет ряд специфических, отличительных особенностей. Языку художественной литературы присущи широкая метафоричность, образность языковых единиц почти всех уровней, использование синонимов всех типов, многозначности, разных стилевых пластов лексики.

Передача языка художественной литературы подчас представляется весьма непростой задачей. В.С. Виноградов выделяет два этапа в процессе перевода художественной прозы: первый связан с осмыслением текста на иностранном языке, второй – с воспроизведением текста на родной язык. “Переводчик обязан не только понять текст и осмыслить его как художественное целое, но и воспринять его эмоциональное воздействие. От переводчика обычно требуют знания иностранного языка, умения использовать богатства родной речи и относительное знакомство с тем, о чём идёт речь в переводимом произведении. Но этого мало. Переводчик художественной литературы должен уметь чувствовать те эмоции, которые способно вызывать чтение подлинника. Иными словами, переводчику нужно ‘быть чутким рецептором’. Вопрос о переводчике как рецепторе, способном сопереживать с автором и проникнуться эмоциональным настроением переводимого произведения, ещё не имеет научного обоснования в теории перевода, хотя адекватный перевод, как известно, во многом зависит не только от рационального восприятия произведения, от понимания всего смыслового содержания, но и от точного и достаточно полного восприятия эмоционально-оценочной информации, содержащейся в оригинале” [1, 24]. Так или иначе, переводчик будет вносить в художественный перевод какие-либо элементы собственного восприятия. **“Восприняв семантическую и эмоционально-экспрессивную информацию, заключённую в подлежащей переводу фразе, переводчик воссоздаёт эту информацию в материальных единицах переводного языка, стремясь сохранить её полный объём.** Не подыскивает, как иногда

принято думать, соответствия каждому слову и словосочетанию **исходной фразы**, а «переживает» её смысл» [1, 28].

При переводе художественной литературы вопрос адекватности перевода всегда стоял весьма остро. Большинство авторов сходятся во мнении, что перевод художественной литературы представляет собой весьма сложную проблему, и вопрос точности решается здесь в несколько ином плане. «В художественной литературе используются образы в широком смысле слова, ибо искусство есть мышление образами. Образность создаётся писателем самыми разнообразными языковыми средствами, и для этого он пользуется всем богатством языка» [5, 15]. При переводе передача подлинника должна строиться не только на лексических и синтаксических соответствиях. Более важной в этом свете становится задача сохранить тропы и фигуры речи, с целью передачи художественной стилистики произведения. «Основная задача художественного перевода заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПР. Анализ переводов литературных произведений показывает, что в связи с указанной задачей для них типичны отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода» [4, 98]. Т.А. Казакова в своих работах сравнивает художественный перевод с подобием литературно-творческой игры, в которой, в отличие от литературного творчества, переводчик ограничен условиями формирования и воплощения художественного замысла. «*Между исходным художественным произведением и художественным переводом этого произведения переводчик устанавливает неустойчивое и, по всей видимости, относительное равновесие на основе своего личного языкового и культурного опыта, индивидуального видения мира и в меру своего творческого потенциала. Благодаря этому равновесию художественный перевод можно признавать заместителем исходного текста в иноязычной культурной среде*» [2,

21-25]. Переводчик создаёт не столько эквивалент оригинала, сколько иноязычный аналог исходного художественного текста, в виде вторичной знаковой системы, отвечающей литературно-коммуникативным требованиям и языковым привычкам общества на определённом историческом этапе.

Поиск адекватного эквивалента и грамотная передача литературного замысла автора с сохранением временной эпохи оригинала по сей день остаются актуальным вопросом. Несмотря на то, что изучению языка художественной литературы было посвящено достаточно много работ и основные принципы, которым должен следовать переводчик, уже известны, вопрос качества перевода до сих пор стоит весьма остро, как при переводе классических произведений, так и при переводе современной литературы. Хотя само понятие «качественный перевод» весьма размыто, многим изданным переводам художественной литературы можно дать весьма хорошую оценку. «Улучшать» перевод можно бесконечно, в итоге всё равно не добившись «стопроцентной» передачи оригинала. Соответственно, и спор о том, как именно, с какой окраской, хотел автор выразить и передать ту или иную фразу, может длиться очень долго. Во многих случаях, имея два или более перевода художественного произведения, можно путём сравнительного анализа определить более качественный и точный перевод, но зачастую это становится непосильной задачей, так как во многих случаях в каждом переводе определённого произведения есть свои сильные и слабые стороны.

В связи со сказанным рассмотрим передачу на русский язык нескольких фрагментов романа У.М. Теккерея «Виргинцы». Выбор произведения обусловлен тем, что существует два перевода произведения «Виргинцы» на русский язык с временной разницей более 40 лет (Ст. Вольского – 1936 г. – и И. Гуровой – 1979 г.). Несомненно, «Виргинцы» являются прекрасным примером классической художественной литературы, и в обеих русских версиях названного произведения можно найти примеры как адекватной передачи ин-

тересующего нас лексического пласта, так и некоторые отступления от оригинала.

По мере анализа переводов мы остановили своё внимание на следующих группах возвышенной лексики:

В первой группе мы рассмотрим выявленную нами возвышенную лексику в образах.

В романе были найдены: 21 языковая единица “*honoured*”, более 500 раз была употреблена языковая единица “*dear*”, 205 языковых единиц “*ladyship*”, 100 языковых единиц “*majesty*”, 47 языковых единиц “*excellency*”, 13 языковых единиц “*worship*”, 121 языковая единица “*lordship*” и 25 языковых единиц “*gracious*”.

В переводе Ст. Вольского языковая единица “*honoured*” была передана как “уважаемые”; языковая единица “*dear*” была передана как “милый” или “дорогой”; языковая единица “*ladyship*” – как “милость”; языковая единица “*majesty*” – как “величество” или как “милость”; языковая единица “*excellency*” – как “сиятельство”; языковая единица “*worship*” была передана как “милость” или “мистер” при обращении к лицам мужского пола; языковая единица “*lordship*” была передана как “милость”; языковая единица “*gracious*” – как “уважаемый”.

В переводе И. Гуровой языковая единица “*honoured*” была передана как “почтительный”; языковая единица “*dear*” была передана как “милый” или “дорогой”; языковая единица “*ladyship*” – как “милость”; языковая единица “*majesty*” – как “величество” или как “милость”; языковая единица “*excellency*” была передана как “превосходительство”; языковая единица “*worship*” была передана как “милость”; языковая единица “*lordship*” – как “сиятельство”, языковая единица “*gracious*” – как “милостивый”.

Итак, в переводе Ст. Вольского, как и в переводе И. Гуровой, в большинстве случаев возвышенный литературный стиль передан весьма точно. Хотя в переводе И. Гуровой присутствует большее лексическое разнообразие.

Стоит заметить, что иногда в переводе Ст. Вольского данные языковые единицы возвышенной лексики опустились.

Fan and I remember how our honoured parents used to fight. Don't us, Fan? And our brother Esmond kept the peace.

Перевод Ст. Вольского:

Ведь Фен и я помним, какие стычки бывали у наших родителей, не так ли, Фен? А братец Эсмонд водворял между ними мир.

Перевод И. Гуровой:

Мы с Фан хорошо помним, как наши досточтимые родители изволили браниться. Верно, Фан? А наш братец Эсмонд поддерживал мир в семье.

Также необходимо упомянуть, что языковая единица “*gracious*”, помимо рядовых фраз “*gracious master*” и “*gracious majesty*”, зачастую использовалась в форме обращения к богу.

“Gracious powers, Mr. Warrington!”

“Gracious heavens, William! What has happened?”

“Gracious God, who is it?”

Перевод Ст. Вольского:

“Господи боже мой, это же вы, мистер Воррингтон?”

“Господи боже! Что случилось, Вильям?”

“Великий боже, кто это?”

Перевод И. Гуровой:

“Боже милостивый, мистер Уорингтон!”

“Боже милостивый, Уильям! Что случилось?”

“Боже великий, кто это?”

Как можно заметить, в переводе Ст. Вольского отсутствует как таковой лексический эквивалент данного слова. Поэтому перевод И. Гуровой в данном случае можно назвать более точным.

В произведении также встречаются устаревшие, литературные языковые единицы при обозначении родственных отношений: 11 раз была использована языковая единица *kinsfolk*, 14 раз была использована языковая единица *kinswoman*, 46 раз была использована языковая единица *kinsman*.

В переводе Ст. Вольского и И. Гуровой данные языковые единицы были переданы нейтральным – “родственники”.

Далее мы остановим своё внимание на лексике из писем героев. По сути, к этой категории мы можем отнести слова, встре-

тившиеся в обращениях, так как обращения фигурируют как в повседневной речи персонажей, так и в письменной форме.

В переводе Ст. Вольского лексическая единица “*honoured*”, преимущественно – с “*madam*”, была передана, как “дорогая мадам”, то же словосочетание в переводе И. Гуровой было передано, как “милостивая”. Такой перевод наблюдается не только по отношению к лицам женского пола.

“DEAR SIR—I am sorry I cannot comply with your wish, I’m short of money at present, having paid large sums to you as well as to other gentlemen.—Yours obediently, MARCH AND R.”

Перевод Ст. Вольского:

“Дорогой сэръ. К сожалению, я не могу исполнить ваше желание. Сейчас у меня мало денег, так как мне пришлось много уплатить вам и прочим джентльменам. Ваш покорный слуга Марч-Р”.

Перевод И. Гуровой:

“Милостивый государь. К сожалению, я не могу исполнить ваше желание, так как в настоящую минуту стеснен в средствах после того, как уплатил крупные суммы вам и другим джентльменам. Остаюсь вашим покорным слугой. Марч и Р. Гарри Уорингтону, эсквайру”.

Как видно из примера, в переводе И. Гуровой, опять же, употреблена устаревшая, возвышенная форма обращения.

Такие обращения, как “*ladyship*”, “*majesty*”, “*lordship*” были переданы в переводе Ст. Вольского соответственно как “честь” (хотя и опускалось в некоторых случаях), “величество” и “честь”; в переводе И. Гуровой те же лексические единицы были переданы как “милость”, “величество” и “милорд” (если речь идёт о мужчине), или “милость” соответственно.

Рассмотрим некоторые возвышенные лексические единицы, используемые при описании:

Лексическая единица “*Truth-telling*” была употреблена 4 раза, “*remarkable*” – 10 раз, “*wondrous*” – 4 раза, “*splendour*” – 15 раз, “*delightful*” – 34 раза, “*haughtily*” – 6 раз, “*dignified*”

– 4 раза, “*affectionate*” – 52 раза, “*courteous*” – 15 раз, “*triumphant*” – 6 раз, “*invaluable*” – 2 раза, “*noble*” – 73 раза, “*grateful*” – 37 раз, “*honoured*” – 21 раз.

В переводе Ст. Вольского лексическая единица “*truth-telling*” была передана как “правдивый”, языковая единица “*wondrous*” была передана как “удивительный”, языковая единица “*splendour*” – как “блеск”, “*delightful*” – как “очаровательный”, “*haughtily*” – “высокомерно”, “*dignified*” – “изысканный”, “*affectionate*” – как “любовная”, “*courteous*” – “вежливый”, “*triumphant*” – “хорошо”, “*invaluable*” – “лучший”, “*noble*” – “благородный”, “*grateful*” – “благодарный”, языковая единица “*honoured*” была передана как “уважаемые”.

В переводе И. Гуровой лексическая единица “*truth-telling*” была передана как “правдивый”, языковая единица “*wondrous*” – как “блистательный”, “*splendour*” – как “роскошь”, “*delightful*” – как “пленительный”, “*haughtily*” – “надменно”, “*dignified*” – “горделивый”, “*affectionate*” – “ласковый”, “*courteous*” – как “учтивый”, “*triumphant*” – как “победоносно”, “*invaluable*” – “бесценный”, “*noble*” – “благородный”, “*grateful*” – “благодарный”, “*honoured*” – как “досточтимый”.

Как видно из примера, в большинстве случаев перевод И. Гуровой гораздо адекватнее в стилистическом отношении и не отражает лексическое разнообразие, используемое автором.

Также стоит обратить внимание на словосочетания с положительной коннотацией, в которых употребляется прилагательное *hearted*: “*tender-hearted*” было употреблено 3 раза, “*soft-hearted*” было употреблено 5 раз, “*kind-hearted*” – 2 раза, “*warm-hearted*” – 2 раза, “*noble-hearted*” – 1 раз. Данные лексические единицы переданы в переводе Ст. Вольского, соответственно, как “мягкосердечная”, опять же “мягкосердечные”, “добрая”, “великодушный”, “благородный”. В переводе И. Гуровой те же единицы были переданы как “добросердечная”, “мягкосердечные”, “добросердечная”, “мягкосердечный”, “благородный” соответственно.

Можно сказать, что в данном случае переводы Ст. Вольского и И. Гуровой не имеют

ярких отличий друг от друга и вполне адекватно передают слова автора.

Подводя итог, необходимо заметить, что в переводе художественной литературы переводчик обязан не только осмыслить текст, но и передать всё эмоциональное содержание подлинника, не искажая при этом мысль автора. Можно предположить, что каждый последующий перевод произведения происходит с целью каким-либо образом улучшить перевод предшественника. В нашем примере можно увидеть, что, зачастую, перевод Ст. Вольского «проигрывает» в адекватной передаче подлинника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
3. Казакова Т.А. Художественный перевод (Теория и практика). – СПб.: Инъязиздат, 2006. – С. 544.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
5. Левицкая Т.Р., Фитерман А.Н. Теория и практика перевода с английского на русский. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 125 с.
6. Логин. О Возвышенном / Пер. Н. Чистяковой. – М.-Л.: Наука, 1966. [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/publik/chistyakova/chist01.htm> (дата обращения 07.09.2010).
7. Теккерей У.-М. Виргинцы. Том I // Пер. Вольского Ст. – М.: Правда, 1961. – 557 с.
8. Теккерей У.-М. Виргинцы. Том II // Пер. Вольского Ст. – М.: Правда, 1961. – 560 с.
9. Теккерей У.-М. Виргинцы (книга 1) // Пер. Гуровой И.Г. – М.: Художественная литература, 1979. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/tekkerei10.txt> (дата обращения 01.10.2010).
10. Теккерей У.-М. Виргинцы (книга 2) // Пер. Гуровой И.Г. – М.: Художественная литература, 1979. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/tekkerei11_1.txt (дата обращения 01.10.2010).
11. Thackeray W. M. The Virginians. [Электронный ресурс]. URL: www.feedbooks.com/book/1554.pdf (дата обращения 01.10.2010).